

«Читайте больше! Читайте без усталости! Читайте! Не жалейте книжных полей! Испысывайте их. Испысанный мною книга для меня вдесятеро дороже новой».

В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД.

**НЕ РИСКНУ** назвать никого другого, кто читал бы так жадно и целеустремленно, как Александр Гладков. Он был особым читателем. Словно сами собой шли к нему в руки книги наиболее талантливые и мудрые, и с его благословения они устремлялись к его друзьям, чтобы наполнить и их жизнь новым светом.

О нем не скажешь: он много работал. Гладков — писатель и книжник — работал всегда и напряженно: в архивах, в залах публичных библиотек, на репетициях у Мейерхольда, на тихой мансарде в подмосковной Загорянке, на чужих спектаклях, в тюрьме и лагерях, которых он тоже не избежал, которые он побеждал никогда не прекращавшимся спасительным внутренним процессом творчества.

Незаурядные личности и выдающиеся художники находили в Александре Константиновиче, в молодом Саше Гладкове, не только собеседника и слушателя особой пробы. Его сразу же, с молодой поры, оценил Мейерхольд и открылся Гладкову, а следом так же оценили его личность и Пастернак, и Паустовский, и Эренбург, и Таиров, и Алексей Попов — «хмурый волшебник» театра, и многие другие.

Так родились статьи, исследования, дневники, воспоминания Гладкова, согни и сотни страниц, жемурная классика XX века.

Не знаю, собрана ли его переписка. Судя по письмам ко мне, она должна быть обширной и представлять особый интерес. В письмах он вырывался из любимых, однако же тесных ему, деспотических стен театра на простор жизни, культуры, философии, литературы. Перед нами возникает истинный русский интеллигент с его непредвзятостью, пылкостью, широким кругозором и обостренным чувством справедливости.

Молодым сегодня привычно смотреть на наше поколение если не осуждающе, то с горечью по потерянными жизням. Но сколько сложнее и богаче действительность: письма Гладкова — лучшее тому подтверждение.

Александр БОРЩАГОВСКИЙ.

Р. С. Предлагаем вниманию читателей отрывки из писем А. Гладкова к А. Борщаговскому.

29 ноября 59 г. Москва.

Прочитал «Остров всех надежд»<sup>1</sup>! Читал не отрываясь, вернее — оторвался только в начале где-то, а потом до конца читал залпом — ритм рассказа меня подчинил... Повесть насквозь вся Ваша, т. е., не в том смысле, конечно, что нет никаких влияний, но все это стало Вашим и Ваше «я», Ваш голос, ощущение мира, моральный кодекс — видны в каждой строчке. Если бы я не знал автора, то мне кажется, сразу угадал бы. Этим я хочу сказать многое: Лидин и Федин прожили длинные литературные жизни и написали целые собрания, а их вроде и нет. Нарочно беру «больших» писателей для примера, а других подобных — легионы.

...А теперь напишите о больших воздушных путях, о стремительном беге времени и бесконечных дорогах, о небе и земле — о всем том, о чем Вы так хорошо, хотя и мелко начали тогда говорить в театре. Этот мир тоже Ваш.

А пьес не пишите. Ну их к ляду!

...Великолепная находка — мертвая, глубинная рыба! Вот, если Вы меня спросите: почему мне эта рыба что-то объясняет в драме Алексея и Вари, я, пожалуй, и не сумею это рассказать логически, а это-то и есть искусство. Один великий, ныне еще живущий поэт сказал мне однажды: «Хорошую строчку нельзя пересказать другими словами»<sup>2</sup>. Вот это-то! Недавно я прочитал в рукописи (в связи с работой над «Мейерхольдом») воспоминания Л. Д. Блок об Александре Блоке. Они, должно быть, никогда не будут полностью напечатаны — так это поразительно откровенно и такая там страшная женская прямота... Но написано умно и хорошо. Так вот, там Л. Д., описывая первое любовное объяснение с юношей Блоком в липовой аллее старого парка в усадьбе Менделеевых в один прекрасный летний день и подробно припоминая и тени на дорожке и звуки и весь «фон» этого решающего разговора в жизни обоих, мелко упоминает про мертвого щегленка, валявшегося на обочине песочной дорожки... И этого щегленка я не мог забыть до конца этого горького рассказа. И в том, что старухой Л. Д. припомнила этого щегленка и записала про него — очень интересно, хотя, конечно, сделала это вполне просто, не понимая, что стбит этот щегленок как образ... Можно, наверное, разобраться до конца и в Вашей «рыбе», но не стоит — от этого она уже станет на самом деле мертвой (т. е. как образ!).

...А зверей Ваших, когда они мерзли, мне было жалко, как людей, и я не знаю, кого я больше жалел: Ганю или бобреху.

Саша, достанте «Историю западноевропейской философии» Бертрама Рассела. Это удивительно интересно, умно и остро!

Ленинград, 14 июля 66 г.

...Я не мог сразу написать Вам, так как на меня навалились хлопоты по фильму. Сценарий<sup>3</sup> два года лежал и пылился в сценарном отделе студии, но когда нашелся режиссер и его «запустили», то вокруг исполнения главной роли возник ажиотаж со всеми возможными способами давления кинозвезд и их покровителей

<sup>1</sup> «Остров всех надежд», повесть А. Борщаговского, «Наш современник», № 5, 1959 г.

<sup>2</sup> Б. Л. Пастернак.

<sup>3</sup> Сценарий А. Гладкова о великой русской актрисе Варваре Асенковой.

на режиссера и дирекцию. А между тем, просмотрев множество проб, я увидел, что лучше всех начинающая юная актриса Тенякова. Рядом с ней померкли Быстрицкая и прочие знаменитости, чья слава, однако, затуманила глаза ленфильмовцам, и пришлось выдержать целый тур борьбы, чтобы доказать истинное положение.

«Встречи с Пастернаком»<sup>1</sup> я написал в редкий счастливый момент, когда мог два-три месяца не суетаться и не думая о заработке, немного пописать «для себя». Видимо, то, что я писал, не рассчитывая сразу печатать, и дало мне известную свободу и независимость в оценках. Я не ставил себе никаких чисто литературных задач, просто хотел записать все по порядку, чтобы не пропало, так как все связанное с Б. Л. драгоценно, но написал довольно быстро, ибо все оказалось незаметно и исподволь продуманным. Я долго колебался говорить ли о «Живаго», и Вы правильно поняли мои мотивы, по которым я об этом написал. Среди читателей рукописи нашлись и несогласные с моей позицией, но такие люди, как Дорош, Панова, Дар и другие, оказались со мной согласны. Я сам давал читать рукопись едва десятку людей, главным образом соседям по Комарову, где я жил почти целую зиму, но рукопись как-то вырвалась из под моего контроля и пошла по рукам, и так ее прочли и Бек, и Дорош, и Некрасов (с двумя последними я



даже незнаком), и многие другие. Я трезво понимаю, что дело тут не в достоинствах моей работы, а в силе обаяния имени Б. Л. Но иногда и задача протоколита времени может быть славной и почетной. Впрочем, Н. Я. Берковский назвал мою работу продолжением традиции П. Анненкова, которого я очень люблю и ценю, и это меня обрадовало. И еще меня обрадовало то, что некоторые люди, знавшие Б. Л. больше и дольше, чем я (Н. Я. Мандельштам, например), сказали мне, что портрет похож. Иногда мне кажется, что пожертвовав примерно листом, можно было бы сделать попытку это напечатать, но м. б. стоит и подождать. Об Олеше я написал иначе: там меньше мемуарного. В отделе критики в «Новом мире» работа моя (в ней 3 листа с лишним) понравилась, но Дементьев был в отпуску, а без него они боются решать судьбу статьи, находя в ней какие-то трудно проходимые вещи (например, размышления о том, что такое писательское молчание, или проблема психологического самоговора). Я далеко не уверен, что эта штука сейчас пройдет, и это жаль, потому что в ней я тоже свободно пишу о некоторых важных и принципиальных вещах. Когда-нибудь напишу и об Эренбурге, с которым я в последние годы часто встречался и много разговаривал, но пока еще рано. Он очень интересный и более сложный человек, чем иногда кажется издали. Зимой начал писать о смерти Маяковского и о том времени, как помню его, но это стало превращаться в автобиографическую повесть, и этот крен меня испугал, и я пока оставил.

<sup>1</sup> Впервые полностью «Встречи с Пастернаком» опубликованы в 1980 году в книге А. Гладкова «Театр».

Меня очень тянет к такого рода полудокументальной прозе, и м. б. на этом пути я нашел бы что-то свое, но на это не проживешь, пьесы не идут и цетера...

...Роман Бека<sup>1</sup> интересен, о нем хочется думать, а в чем-то и спорить с ним. Время написано великолепно, но не упрощен ли Онисимов? Ведь в нем есть фадеевское, но Фадеев был куда сложнее, в том смысле, что внутренняя жизнь его была более бурной, активной и многослойной. Или — это лукавство и «прием» рассказчика-автора? Бек человек лукавый, но на всякого мудреца... А м. б. я не прав и что-то не разглядел с первого чтения. Вещь сложная, и не все в ней сразу видно.

Когда я уезжал из Москвы (7-го), то я встретил Юру Домбровского, который мне показал свое предисловие к этому роману для итальянского издательства. Он же мне сказал, что в этот день Бек был вызван в ЦК. А в журнале я слышал, что они снова его планируют, кажется, на 8-й номер. Дай бог!

...Знаете ли Варлама Тихоновича Шаламова и его прозу?

Мне многое кажется в ней превосходным. И мне это нравится больше, чем «Иван Денисович».

Загорянская. 30 августа 1966 г.

Издательство университета в Тарту, которое время от времени выпускает довольно интересные историко-литературные сборники с разными малопроездными в других редакциях мемуарными и исследовательскими

работами (например, года 4 назад они выпустили интересный сборник, посвященный Блоку — м. б. Вам попался он?) предложило мне опубликовать «Встречи с П.» в новом сборнике. У них мизерный тираж и ничтожные гонорары, но все же это публикация. А м. б. и стоит подождать?

Рукопись эта ходит по рукам без всякого моего участия: (Вы — исключение). Говорят, «Софья Петровна» напечатана в «Новом журнале» с преамбулой, где редакция приносит автору извинения за публикацию без его разрешения («Софья Петровна» повесть Л. К. Чуковской: наверно, Вы ее читали?) Она обошла у нас много редакций. Не хочется попасть в подобное положение.

У нас здесь третий день холодно и льет осенний дождь. В № 7 «Нового мира» мне понравилась повесть Б. Можалева<sup>2</sup>. Это талантливо, правдиво и свежо по интонации.

Фильм начали снимать, но об этом и писать-то скучно. Мою штуку об Олеше, кажется, задержал Дементьев. Но это я знаю стороной, а официально — пока молчание. За нее в редакции — Марьямов и еще кое-кто, но этого мало...

Мне прислали из Италии книгу А. М. Рипеллино «Грим и душа» о советском театре (Станиславский, Мейерхольд, Вахтангов, Таиров). В ней из напечатанного мной о Мейерхольде 44 цитаты!

Лен-д. 13 января 69 г.

«Невероятный Иегудиил Хламида» — мой сценарий о Горьком журналисте в Старой Самаре. Я написал его в начале прошлого года, и он уже «запущен», как говорится. Сценарий все хвалят, но режиссер попался неинтересный, старый и слащавый. Но, кажется, нашли не-

<sup>1</sup> Роман А. Бека — «Новое назначение». Опубликовано в «Новом мире» после смерти автора.

<sup>2</sup> «Из жизни Федора Кузькина».